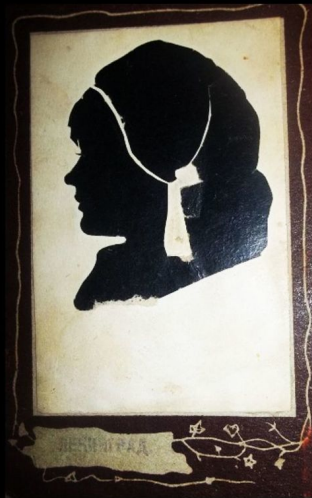

ТАТЬЯНА ВЕБЕР

Чёртова дюжина воспоминаний

Татьяна Вебер
Чёртова дюжина воспоминаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35239106

ISBN 9785449307811

Аннотация

А память живёт внутри – то птичкой, то мячиком, то солнечным зайчиком, то серебристым карасиком... О любимой бабушке и не только.

Содержание

1 глава	5
Воспоминание первое «Мамина юбка»	7
2 глава	9
Воспоминание второе «Щи»	10
3 Глава	12
Воспоминание третье «Школа»	13
4 Глава	15
Воспоминание четвёртое «Фортепяно»	16
5 Глава	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чёртова дюжина воспоминаний

Татьяна Вебер

*Моей бабушке, Гертруде Христиановне,
посвящается.*

© Татьяна Вебер, 2020

ISBN 978-5-4493-0781-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя бабушка вышивала подушки гладью.
Помню, что как живая, глядела с такой картинки
Девушка с кофемолкой, в белоснежной косынке.
Ещё она меня по головке часто гладила,
приговаривая: Всё, когда-нибудь, старится.
Все твои беды в одну перемелются, внученька.
Станет, такой, пергаментной кожа на рученьках.
А я, засыпая: Ба, ты у меня красавица.

1 глава

Россия. XX столетие. Мало кто уже может похвастаться, что видел его появление на свет божий. Многострадальную колыбель раскачивали из стороны в сторону разнокалиберные удалыцы. И вытряхнув, наконец, монаршего младенца на зардевшуюся землю, впихнули на освободившееся место своих дитятей. Самый крепкий и здоровенький, набив шишки и остервенев от братоубийства, занял место под солнцем.

Герте в тот год исполнилось пять лет. Родившись в несравненном тринадцатом, она была признана лучшей среди старшей и всей последующей ребятни в семье. Её папа и мама были потомками немецких переселенцев. Кем были её пра пра пра она не знала. Они могли быть кем угодно – купцами, ремесленниками, воинами, лекарями или учёными. А может, быть они были оружейниками? Мастерами литья пушек, фортификаторами, саперами или инженерами. Быть может, они были медиками, которых в те времена для московского двора специально выписывали из Германии. В стране были свои знахари, однако не было образованных врачей и аптекарей. Поэтому первыми лейб-медиками великих московских князей были немцы. Были ли её предки из крестьян, которых Екатерина II пригласила на свободные земли Поволжья? Возможно. Возможно это именно они привезли с собой с родины плуг, косу, деревянную молотилку, почти не исполь-

зубные в России именно они расширили количество сельскохозяйственных культур, увеличили посевы льна, конопли, стали выращивать табак, развили мучное производство на расположенных рядом водяных мельницах, маслобойную промышленность, производство шерстяной материи и сурового полотна, а так же кожевенное производство, получившее впоследствии большие масштабы. Кем бы ни были её отчичи и дедичи, приехав когда-то на русскую землю, они остались в местах своего первоначального проживания, сохраняя язык и веру.

Детские воспоминания сильнейший наркотик, чем старше становишься, тем больше втягиваешься, тем осмысленнее и ярче восприятие произошедшего много лет тому назад.

Память – это такая лазейка в прошлое.

В которую опасно соваться.

Знаешь, я хочу того самого мороженого

И в, той самой, речушке купаться.

Память – такая тоненькая соломинка,

Через которую прошлым дышишь...

Ах, какая сирень росла у нашего домика!

Какой была раскаленной крыша.

Воспоминание первое

«Мамина юбка»

– Наш дом стоял на самой окраине, около кладбища. И вчера, по пыльной дороге, красные вели белых...

На следующее утро к маме пришёл местный священник. Я увидела его из окна. Мне стало интересно, с чего бы это к нам пожаловал русский священник, да ещё в такое время. Я выбежала во двор, тихонько подкралась к маме и спряталась за её юбку. Вот, что я услышала.

– Прошу Вас, проводите меня туда.

Мама ничего не ответила. Она быстро обернулась, увидела меня и твёрдо сказала:

– Kommen nach haus.

Я нехотя поплелась к крыльцу. Но как только мама и наш ранний гость вышли со двора, бросилась им вдогонку. Шли недолго. Увиденное, меня удивило. Холм свежей земли, из которого торчали руки и ноги в исподнем. Я, позабыв про осторожность, подходила всё ближе и ближе. Было интересно, зачем это люди спрятались в землю, да ещё так плохо спрятались, когда много других замечательных мест... Так размышляя, я оказалась около мамы, а когда поняла, что руки и ноги мёртвые, и увидела на белом белье тёмные пятна, вцепилась, что есть мочи в мамину юбку и закрыла глаза. Я всегда так делала, когда мне было страшно.

Как пришли домой, не помню. Помню только, что мама отослала куда-то с Павлом, моим старшим братом, лопату. А вечером, на улице, вполголоса, рассказывала соседке, что священник похоронил тех людей и поставил на том месте крест. А ещё помню, мама сказала:

– Там был его сын, офицер.

На следующее утро мимо нашего дома снова вели пленных. Белые вели красных. Я стояла около ворот, вцепившись ледяными ладошками в мамину юбку.

2 глава

До сих пор в семейном альбоме хранится фото, десятеро мужчин разного возраста, разнообразной наружности. Взгляд задерживается на юноше, чернявом, с родинкой на подбородке, в заливчатски заломленной фуражке. Но это не тот, из-за кого пожелтевшая карточка хранится в нашем альбоме. Этот человек, во втором ряду, третий слева. У него шикарные рыжие усы. Фото чёрно-белое, но я знаю, они рыжие. Все мужчины в добротных тёмных пиджаках с воротниками стоечками. В картузах, шляпах, один даже в велюровом берете (таком, какие бывают у художников). Разные. Но есть и общее – светлые нашивки шириною в ладонь по всей окружности левого рукава, чуть выше локтя. А ещё у одного на козырьке шапочки, а у другого на воротничке нумерация: 160... 168...

Фотографии почти век. Событиям, произошедшим летним вечером с маленькой девочкой тоже.

Человека на снимке она не помнит, да и снимка ни она, ни кто-то из её родных ещё не держал в руках. Пока он лежит в кармане пиджака на груди рыжеусого.

Воспоминание второе «Ши»

– Мама тогда работала в госпитале. Нас у неё уже было шестеро. Отец в плену, на своей исторической родине. Каждый день мама приносила из госпиталя, где она работала сестрой милосердия, что-нибудь съестное. Вот и сегодня, на столе стоит знакомый синий в белую крапинку бидон. Я залезаю на табурет, приоткрываю крышку и окунаю палец в его содержимое.

Палец окрашивается в розовый цвет.

– Ши, только и успела произнести я, как в окно стукнули.

– myter! От испуга я чуть не опрокинула бидон.

– Мама, кто-то стучит в окно

Мать кинулась к двери.

– Кто?

– Das ist Христиан!

Мама прижала руки к груди и застыла на месте, дети как замороженные смотрели на неё.

– Мам, опять пропищала я: Кто это?

– Отец вернулся, дёрнув дверной крючок, ответила та.

Какая тут началась суета. Сбежались соседи. Стали собирать на стол. Я стояла и смотрела, как из тряпиц, принесённых за пазухой появлялись: варённые яйца, куски сала, хлеб, пучки зелени. Во главе стола мама взгромоздила огромный бутыль с мутной жидкостью. Пришедшие расселись, все зна-

ли, где был только что вернувшийся. Всем было интересно, что он скажет.

Христиан начал с конца, с того, что на границе у него отобрали почти всё, на что были потрачены заработанные деньги. Но, несмотря на это, предстал он перед нами в сером костюме тройке, при галстукe и в шляпе, а в нагрудном кармане лежали золотые часы на цепочке и вышеописанное фото.

У меня уже стали слипаться глаза, когда мама вдруг вспомнила про своих младших ребятишек и разлила им по тарелкам остывшие щи.

Я взялась было за ложку, но есть расхотелось... Отец, увидев свою младшую, спящую за столом, взял меня на руки и отнёс на кровать в угол комнаты.

Я открыла глаза, среди папиросного дыма и приглушённых голосов выделила один.

– Здесь, не исчез, отвернулась к стенке и провалилась в сон.

3 Глава

Никто из детей в школу не ходил. Да и сами родители были неграмотными. Мария рано осиротела, и Христиан не знал ни отца, ни матери. Познакомились они в доме кондитера, на которого работали. Он пекарем, она горничной. Хозяйка всё смеялась: Давайте вас поженим! Мария отнекивалась, но тайком всё чаще заглядывалась на высокого и крепкого Христиана. Ну а, что хрупкая и бойкая горничная давно разбила сердце молчаливому пекарю, догадывались уже все...

Через год около хозяйского дома вырос ещё один. Всего из двух комнат. Но сколько радости и гордости он принёс его жильцам. Ещё когда строились, всё спорили, кто первым в него войдёт.

– Я не хочу умирать первой, поджав губы, говорила Мария. И Действительно, первым умер Христиан – попал под машину.

Воспоминание третье «Школа»

– К моему рождению, а я стала шестым по счёту ребёнком в семье, в доме появилась пристройка.

В семь лет я заявила родителям, что хочу в школу. Мама, повздыхав, взялась сооружать мне школьную форму. В ход пошёл хорошо отстиранный мешок из-под муки. Из него было выкроено платье. По рукавам и по подолу обшито красными нитками. Остатки мешковины и ниток пошли на сумку. О белье не стоило и мечтать. Благодаря этому я впервые в жизни испытала величайшее чувство – стыд, когда свалившись со школьных качелей, оказалась на земле, а моё шикарное платье задралось на мне чуть ли не выше пупа. Вот тогда-то я и поняла, из подобных ситуаций нужно выходить с высоко поднятой головой. Что я и проделала. Поднявшись, неторопливо одёрнула свой королевский наряд, сделала непроницаемое лицо и в полнейшей тишине медленно удалилась с места происшествия...

Качели, после этого случая, я просто не замечала. Они перестали для меня существовать.

В белом-белом поле
снег слепит до боли.

Меткие пистолы
целят точно в пах.

Белым-белым шита

преданная свита.
Гвардия разбита
и король в бегах.
А у королевы,
как у всякой стервы,
ледяные нервы
и сердца в руках.

4 Глава

На современном столике красуется ручная швейная машинка «Zinger». Она принадлежала ещё Марии, т. е. моей прабабушке, а в наследство отошла именно Герте.

Воспоминание четвёртое «Фортетьяно»

– Я была беспокойной и любознательной девочкой. Никто из сестёр рукоделием не занимался, я же смотрела, как это делала мама и, забравшись под стол, вязала сестрам чулки или вышивала самодельные носовые платочки, обвязывая их по краю кружевом (в обращении с крючком к тому времени я уже тоже освоилась...).

К швейной машинке мама не разрешала даже приближаться, так как обшивала на ней всю семью.

– А что если сломаешь?!

Но только мама выходила за порог дома, я бегом налаживала строчку и перешивала свои слишком широкие или слишком длинные, на мой взгляд, вещи... Мама только потом, заметив укороченные рейтузы или очередную не ею сделанную строчку, спрашивала:

– Где это ты успела?

– У тебя, отвечала я бойко.

Но мне и этого было мало...

Недалеко от нас жила, кажется, графиня... в общем, из бывших, как их тогда называли. Дому, в котором она проживала было лет сто. С одной из сторон он даже порос мхом, впрочем, и сама старушка напоминала высохшую грушу, жёлтую и скрюченную от времени. Так вот, мы с подруж-

ками как то играли в прятки, я решила спрятаться в зарослях густой акации, что росла под окном графского дома, со стороны улицы. Окно было распахнуто, но находилось высоко. Поэтому, когда из него начали раздаваться необыкновенные звуки, мне показалось, что над моей головой пронёсся ветерок и, тронув тонкие ветки акации, стал перепрыгивать с одного листочка на другой, отчего они вздрагивали и трепетали надо мной, как зеленокрылые бабочки. Моя голова закружилась от ощущения, что я оказалась в самом центре этого завораживающего танца. Прижавшись спиной к каменной стене дома и закрыв глаза, я кружила над землей и унеслась бы, наверное, далеко-далеко, когда бы вдруг не раздался оглушительный стук, как будто захлопнули огромный деревянный сундук, и не оборвал эти чудесные звуки. Я, разочарованно вздохнув, вскочила с корточек. Не найдя меня подруги разбежались по домам, а может, продолжали играть в другом месте, меня это уже не интересовало. Я подпрыгнула, сорвала с акации притихшую веточку, которая знала мою тайну и хранила ее в себе, ведь еще за минуту до этого она была словно живая и, размахивая ей, как дирижёрской палочкой понеслась домой, напевая услышанную мелодию.

Вечером я объявила родителям, что хочу обучаться у фрау музыке. На что отец только улыбнулся в свои рыжие усы, а мама покачала головой. Но уже следующим вечером она нарядила меня в лучшее платье и отвела на первое занятие.

Я с удовольствием зубрила гаммы и разучивала маленькие пьесы. Естественно, что о покупке фортепьяно не могло быть и речи, поэтому Павел на обыкновенной досточке расчертил мне клавиатуру. Каждый день я торжественно усаживалась за доморощенное фортепьяно, по всем правилам выпрямив спину и поставив ноги, чтобы промурлыкать себе под нос очередную мелодию. Пальцы бегали по нарисованной клавиатуре, но я была счастлива! Не смущало меня и то, что подружки стучали в окна с криком:

– Герта, пойдем на улицу! Хватит брэнчать на своей пианине.

Стояло лето. Голод, неразбериха, полное отсутствие игрушек не вытравило из ребятни детство... Немного подождав меня под окнами, они убежали на Волгу или в сады. А я, с завидным упорством, продолжала сидеть за фортепьяно. Так прошли лето и осень. Наступила зима. На очередное занятие к фрау я надела белоснежную шапочку из кроличьего пуха, любовно связанную для меня мамой. Играя упражнение, в отражение огромного зеркала я увидела, как старуха примеряет мою шапочку, своими костлявыми пальцами натягивая ее на свои вылинявшие от времени букли. Я перестала играть и начала путано объяснять про какие-то домашние дела, которые не успела выполнить. Накинула пальто, схватила в руки шапочку. Так и бежала до дома с непокрытой головой. Только, взлетев к себе на крыльцо, раскрыла белоснежную вещичку и внутри нее увидела огромную вшу.

Больше я эту шапку не надевала. Ее донашивала за мной сестра. К фрау я тоже больше не пошла.

Старушка же, увидев мою маму несколькими днями позже, обратившись к ней, сказала:

– Фрау, Вебер, у вашей дочери несомненные способности, она делает большие успехи. Посмотрите только на её руки! Почему она пропускает занятия?

На что мама ответила:

– Мы ничего не можем сделать. Она отказывается заниматься. И не объясняет почему.

Когда мы вырастаем из штанишек,
Темп жизни ускоряет метроном.
Мы превращаемся в героев детских книжек,
Что мама нам читала перед сном.
Бывает так. Бывает по-другому —
Одежда нам всегда великовата,
Тогда мы вырастаем, тупиково,
В воюющего, за новьё, солдата.
Мы вырастаем из обид и... драмы
Семей неполных, плача до икоты.
Просиживанья у оконной рамы
С молитвой, в ожиданье хоть кого-то.
Из страхов вырастаем, из болезней,
Из искренности, ясности мышленья.
Из классики и из дворовой песни,
По щучьему и не совсем веленью.
Мы ростом делаемся выше, стопудово,

На полюсах и просто по соседству.
Дрожащим веком и застрявшим комом,
Отходит детскость, наша, нам в наследство.

5 Глава

В юности Герта стала петь в церковном хоре вторым сопрано. Да, у бабушки, несомненно, были способности к музыке. Иначе как же ещё объяснить то, что после полугода занятий в раннем детстве, в зрелые годы, когда у неё, наконец, появилось настоящее фортепьяно, она под его аккомпанемент исполняла любимые песни (знаю я об этом из воспоминаний её дочери, моей мамы) в кругу семьи. Звучала в доме и гитара, которую Герта освоила самостоятельно. Но и гитара в моём сознательном возрасте тоже уже отсутствовала. Почему? Я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.